

Евгений Баранов

**О падении дома
Романовых**



Евгений Баранов

**О падении дома
Романовых**



Евгений Захарович Баранов

О падении дома Романовых

Про Керенкова

Катерине Федоровне Сечиной было уже 70 лет, когда мне пришлось встретиться с ней. Добрая, наивная, она представляла собой теперь уже исчезнувший тип верной господской слуги старого времени.

Родилась она в Тульской губернии в семье крепостного крестьянина; сейчас же после «воли» вышла замуж. Муж оказался пьяница и вор и нередко бил ее смертным боем. На одном воровстве он попался с поличным; крестьяне добросовестно «поучили» его и вскоре после этого «учения» он зачах и помер.

Оставшись вдовой, Катерина Федоровна случайно попала в Москву, нанялась в барский дом господ Леоновых няней и прожила в нем почти всю жизнь, вынянчив и выпестовав целое поколение этой фамилии. В семье одного из этих Леоновых она доживала последние свои годы, вела домашнее хозяйство, мирила поссорившихся супругов и, по ее выражению, поскрипывала, как подгнившее дерево.

В первые дни Февральской революции она приплелась к прежней моей квартирной хозяйке, у которой кухаркой служила ее племянница. События революции сильно взволновали и напугали ее, и она, сидя на кухне за стаканом чаю, рассказывала, охая и кряхтя, о том, что видела и слышала, что пережила в те тревожные дни, когда все вокруг кипело и бурлило, как бушующее море.

Множество слухов, легенд, часто самого нелепого свойства, вызванных революцией, ходило в низах и верхах московского населения, некоторые из них вошли в рассказ Катерины Федоровны. Они показались мне интересными, и тогда же, под живым впечатлением, я записал все, что услышал от нее, случайно находясь в кухне.

Биографические сведения о ней мне сообщила ее племянница.

Ох... ох... дожила, нечего сказать! И никогда таких делов не было, а тут на-ко тебе на староста лет! И умереть спокойно не дадут... А все царица виновата. Она да еще этот подлец Гришка Распутин: столкнулись оба Расею продать. Подкуп, вишь, был им от Вильгельма, чтобы ему Расею себе взять... Царица-то сродствие Вильгельму приходится, племянница, что ли... Ну, и согласилась... А Распутин примазался к ней. Да нешто такой проходимец не примажется? Он ведь на все руки, настоящий мазурик. И был промежду них такой уговор: царя прогнать... А как прогонишь? Ведь не собака. И вот будто надумала она порошков подсыпать ему – мышьяку этого, да побоялась: а ну как дознаются? Станут резать мертвое тело, станут вскрывать и допытаются: тут, мол, отрава... Вот и побоялась. И не знает, как быть. А этот жулик Гришка и придумал: раскопал где-то единорогов рог... будто зверь такой редкостный есть – единорог, и растет у него на голове один рог, вроде как у антихриста... Только у антихриста промежду глаз рог, а у зверя этого на самой маковке и будто острый как шило! Ну, Гришка и раздобыл этот самый рог и взял ножичком или напильником наскоблил этого рога в стакан с вином и подает эту препорцию царю. А царь выпил и погнало его после этого на вино. Он и раньше-то, сказывают, был очень охоч до винца, а тут запоем стал пить... И что ни день, то пьян и пьян... Лежит себе, а дела забросил. Да и какие уж у пьяного дела? Напьется и спит. А проснется, сейчас:

– Давайте мне этого составу! – ну, этой, Гришкиной пропорции. Вишь, понравилась она ему... А Гришка и рад: наскоблит побольше и подает...

И стал царь как бы не свой, настоящего, что требуется, не понимает. И никакого внимания, что война идет, нашего войска нивесть сколько побили и будто двадцать крепостей забрали... А он все пьет, распьянствовался, как мужик... Вот как подделал ему каторжная душа Распутин!

Ну, значит, пьет, и никакого порядка нет... Тут эта государская дума и говорит:

– Что же это такое, на самом деле?

И тут взяли да и убили Гришку. И будто Керенсков из ривольтия выпалил в висок...

Ну, не стало больше этого шеромыжника, достукался-таки, старый кобель... А тут и народ взбунтовался – риволюция пришла... ну, это чтобы царя сместить, царя и царицу, потому, говорят, они Расею продавали и много рабочего народу погубили. И сопхнули их с престола, посадили в каземат, солдат приставили караулить, чтоб не убежали. Вот и сидят там...

А наш Гучков, сказывают, сел на этот... как его?.. ну, на ариплан этот... сел, и птицей взвился под небеса... Набрал бонбов и полетел, как коршун.

– Я, говорит, покажу вам, где раки зимуют.

Будто хочет с неба бонбы кидать, дворец царский хочет разрушить. А к чему? Чем дворец виноват? Да и народу безвинного сколько пропадет... Ведь она, бонба эта, не шутит: шарабахнет, и костей не соберешь... Вот тоща, в японскую войну, Сергея Александровича взорвали – и-и, что было-то!.. По кусочкам тело собирали, в гроб нечего было класть... Ну, этого поделом: не продавай морозовские одеяла. А то, ишь, польстился на что! Морозов раненым солдатикам одеяла пожертвовал, а он их продал. И где совесть у человека была? А еще великий князь!.. Ох, ох, видно, все одним миром мазаны – что князь, что мужик, всем хапанье любо...

Да уж и народ пошел такой – страху никакого нет. На-ко: старый человек, а полетел с

бонбами. А ну, как, храни Бог, сорвется? Да тут вдребезги разлетится, одно мокрое место останется... Да уж видно на то пошел, отчаюга такой... Ох, ох... Страсти такие кругом...

Ну, не впервые это – и в японскую войну этокое было... Тогда шибче было: из пушек, из орудиев стреляли... Ну, тогда из-за этой крепости взбунтовался народ... как ее?.. Артур, что ли?.. Ну да, Порт-Артур, вот из-за нее: зачем, дескать, японцу отдали? Через измену и отдали, а народу обида, вот и взбунтовался... Только тогда не трогали царя, а теперь вот сопхнули: нам, говорят, не надо пьяницы. И взяли этого Керенскива...

Наши-то из-за него каждый день грызутся. Барыня говорит:

– Я за Керенскова стою.

А барин ругается:

– Мы, говорит, все кровью обольемся.

И грызутся, как собаки... Поврозь стали спать: барин в кабинете на диване, а барыня в спальне. И газеты тоже поврозь. Допрежь одну газету на двоих покупала, а теперь две покупаю. Барыня все гойдает, хвост треплет, а барин дома сидит. Раньше-то пообедает и лба не перекрестит, сейчас за папироску, на икону и не взглянет, а сейчас сам лампадки зажигает:

– Тебе, говорит, трудно, Катеринушка, еще упадешь... Ну как не упасть? Сколько годов не падала, а тут «упадешь»... То-то вот... Ох, грехи наши, грехи... А надысь батюшка в обедне говорит:

– Молитесь, говорит, теперь воссияние идет...

А что такое? Какое воссияние и к чему? Ничего не поймешь. Стала спрашивать барина – ругается:

– Продажная, говорит, шкура, – это про батюшку...

А за что – и в толк не возьмешь... И ни от кого не добьешься, все мечутся как угорелые, все кричат...

– Теперь, говорят, полная свобода: ругай царя, как хочешь, взыску никакого не будет.

А наш дворник говорит, будто телеграмма пришла: царя и царицу вешать. И такой оральник стал: что ни слово – все матерком, да матерком.

– Они, говорит, Расею немцам продали.

И будто к нам скоро Вильгельм будет. Сперва в Питер-град, потом к нам. И что будет, что будет?.. Неужели всех убивать станет? Да, думаю, не допустят...

Барыня говорит: Керенсков победит Вильгельма. А барин все ругает Керенскова. Ну, ругай-не ругай, а Керенсков с царского блюда ест. Конечно, какой он царь без короны? И нету на нем ни медалей, ни аполетов. Ну, а все же вроде бы как штатский царь. И повезло же человеку: без всякой заслуги, а поди-ка – и рукой не достанешь...

А царь с царицей сидят, и ни тебе курятины, бульеона, пирожков, а только черный хлеб да вода... А кто виноват? Сами и виноваты. Слыханное ли дело: Расею продать, а? Ну, тоже, ежели ты царь, к чему пьянствовать? Зачем дела забросил и этого мошенника Распутина разыскал, латрыгу этого, пьяницу? Ишь, товарища какого нашел!.. Не знаю, правда-нет ли: дворник сказывал, будто царица с Распутиным жила... Да не верится. А дворник Божится, что правда. И все через леденцовые конфеты: будто Гришка такой леденец выдумал... ну вот, чтобы женщин привораживать... И будто дал этого леденцу царице и приворожил. Да что думаешь? Ведь с него станет, он ведь, проклятый, на все руки горазд был. И откуда только принесло его, нечистого духа? Мужик, хам, а гляди, какой дошлый, и уродится же такой!.. Да уж, к тому и идет, к тому время приближается... Недаром же в Библии сказано: и

станут летать птицы с железными носами. Ну-к, вот тебе эти арипланы и есть птицы с железными носами. И такое идет смятение, творится нивесьть что – и ума не приложишь...

Прачка Дарья пришла и рассказывает такое – и подумать страшно... Говорит: в газетах напечатано, такая публикация была. Это про монаха из Симонова монастыря: отпороли его на Красной площади... ну, на этой... на Лобном месте... И за то ему наказание такое вышло, что Библию и ризу порвал. Будто читал-читал – и пошел городить всякое неподобие. И в Библии того нет, чего он нагородил... И после того давай Библию рвать. На мелкие кусочки изорвал, а потом и ризу порвал. Ну, его сейчас схватили и написали про его дела Керенскову. А Керенсков прислал телеграмму: дать, говорит, пятьдесят розог. Вот и отпороли. Народу собралось – тьма тьмущая... Стала просить барина, чтобы он прочитал мне про это самое, а он ругатся:

– Хоть бы, говорит, мне сквозь землю провалиться...

А я при чем? Не рви Библию, не рви ризу... Нетто они для того, чтобы рвать их?.. Хм... «Провалиться»... Время придет, все провалимся – без времени ничего не бывает... Ох, ох, зажились, старая дура, на свете, зажились. И когда-то Господь приберет? Ох, ох, нагрешила, нагрешила, как ответ буду давать?.. И такое идет кругом... Вот в лавочке приказчик сказывал, будто у Распутина на пятьдесят тыщ нашли золотых колец, браслетов, серег, да еще деньгами тридцать тыщ. Вот ведь какой подлец: царя спаивал, царицу приворожил и потягивал из них... вот какой жулик! И еще про царских дочерей и наследника сказывал приказчик. Их, говорит, до распределения оставили. А какое это распределение – не знает. И что только делается, что делается на свете?..

Большая часть известных мне легенд о падении дома Романовых и особенно легенды более позднего происхождения (1924–1927 гг.) обвиняют бывшую царицу Александру Федоровну в государственной измене, в тайных сношениях с бывшим германским императором Вильгельмом, причем почти всегда подчеркивают ее родственное отношение к нему. Некоторые же легенды, кроме того, говорят и о ее ненависти к России и ко всему русскому. О злых умыслах Александры Федоровны против бывшего царя Николая II-го рассказывают, кроме приведенной легенды, и другие, но о том, что Распутин с ее ведома и одобрения спаивал его напитком из смеси вина и опилок рога «единорога» говорит только упомянутая легенда, по крайней мере, аналогичных легенд мне не приходилось встречать.

Одна легенда сообщает о лечении Распутиным бывшего наследника престола от кровотечения «роговыми каплями», но не объясняет, из чьего рога были приготовлены эти капли. Очевидно, что в обоих случаях речь идет о так называемых пантах – молодых (весенних) рогах сибирского оленя марала, из которых китайцы приготавливают возбуждающее средство. По-видимому, легенды намекают на «тибетскую медицину» «доктора» Бадмаева, который, как известно, лечил бывшего наследника и находился с Распутиным в дружеских отношениях.

Все известные мне легенды, рассказывая о Николае II-ом, называют его уже готовым пьяницей и отмечают, что приход Распутина в Царский дворец лишь усиливает его пьянство.

Об А. Ф. Керенском, как об одном из видных действующих лиц Февральской революции, поразительно мало легенд. Приведенная легенда, в которой он является, хотя и с оговоркой («будто») убийцей Распутина и затем «вроде бы как штатским царем», единственная в этом роде. В остальных легендах, где только говорится о нем, ему отводятся второстепенные и третьестепенные роли, а некоторые легенды упоминают о нем лишь вскользь. Правда, во времена существования Временного правительства о нем ходило много легенд: в одних он превозносился чуть не до небес, в других ниспровергался в грязь, но эти легенды, создававшиеся его политическими друзьями или врагами, не имеют ничего общего с народным творчеством.

О сожительстве Распутина с Александрой Федоровне говорится во многих легендах, но большею частью неуверенно, с оговорками: «будто», «говорят» и, как в приведенной легенде: «правда ли, нет ли», а о том, что Распутин «добился» этого сожительства посредством изготовлявшихся им снадобий, сообщается еще в одной легенде, которая приводится дальше.

Матрешкино предсказание

Летом текущего (1927) года мне пришлось в течение месяца подготавливать в семье одного ремесленника мальчика для поступления в школу. В вознаграждение за свой труд я получал обед и чай. Старшая замужняя сестра ученика оказалась хорошей песельницей, и за чаем, который нередко затягивался на час, на два, я записывал от нее песни.

Наш чай довольно часто разделяла соседка ремесленника, Марья Сергеевна Трубицына, женщина лет пятидесяти. Родина ее – Тамбов, а отец – отставной солдат, по ее словам, горький пьяница, но очень добрый человек. После смерти отца Марья Сергеевна двенадцатилетней девочкой пошла в люди – зарабатывать хлеб. Сперва нянчила ребят в семьях мастеровых, потом, когда подросла, стала горничной у чиновников, потом была прачкой, кухаркой.

Теперь она замужем за ремесленником, занимается домашним хозяйством.

Собеседница она хорошая. От нее я записал, легенду о том, как бывшему царю Николаю II-му было предсказано несчастное царствование, кончившееся падением дома Романовых.

Ему никто добра не сулил, а только горькую жизнь. По первому разу, когда он еще наследником был, родная мать говорила ему:

– Уступи, говорит, престол брату Михаилу, не то сам пропадешь и весь царский дом погубишь.

Сама-то она этого не знала, а ей отшельник один на Старом Афоне открыл – в горах спасался, и был он прозорливец. И ездила она к нему тайком, нарочито, чтобы насчет Николая узнать, какая его жизнь будет – благополучная или несчастная. А отшельник и говорить не стал много, только и сказал:

– Сам в яму упадет и вас всех за собою потащит.

Вот от кого это стало известно, а ей-то самой где знать? Не пророчица же была, в сам-деле!

Вот она и думала – ежели он откажется от престола, несчастья не будет с царским домом. Ну, он послушался было ее, да отец запретил.

– Ты, говорит, это выкинь из головы, не то проклятие тебе будет от меня. – И царицу тоже пробрал: – Ты, говорит, не в свое дело не встревай. Я, говорит, знаю, кому быть наследником, кому не быть.

Нравный был: что сказал, то и быть по его, а ежели ослушался кто, он уж колыхнет. Сурьезный был, да и выпивал. Шибко, говорят, пил и умер от водки, она-то и съела его.

Ну, как он сделал этот запрет Николаю, тот и присмирел, не стал отказываться от престола. А сам материны слова в уме держал. И как отец умер и взошел он на престол, сейчас за Иваном Кронштадтским послал. Вот приходит Иван Кронштадтский, а он ему говорит:

– Как на ваше мнение: благополучно будет мое царство или неблагополучно?

А Иван Кронштадтский был человек такой: глянет кому в глаза и уж знает, какая его судьба будет. И вот как задал Николай ему вопрос, он сразу не ответил, а жметя: обмануть не хочет, а правду боязно сказать... А Николай говорит:

– Вы, отец Иван Кронштадтский, не скрывайте правду. Ничего плохого вам от меня не будет за это.

Иван и сказал:

– Ваше царство – одно кроволитие.

А Николай поверил – не поверил, неизвестно, а только сказал:

– Это мы увидим.

И как ушел Иван Кронштадтский, приказал не допускать его во дворец. Не понравились, конечно, Ивановы слова, заскребли мало-мало за сердце...

А только царствует себе благополучно – ничего плохого нет и никакого кроволития не происходит. Не происходит и не происходит... А тут коронация... И как она была, на Ходынке на гуляньи тысячи народу повалило. Он из Кремля едет на Ходынку народу показаться, а навстречу везут задавленных – все в крови, где рука мотается, где голова...

– Это что такое? – спрашивает. – Это откуда?

А ему говорят:

– На Ходынке народ подавили.

Он сейчас назад в Кремль. Сейчас стал дознаваться, отчего это случилось и кто этому виноват? А кто же тут был виноват, окромя родного дядюшки, Сергея Александровича? Ему

Власовский, обер-полицмейстер, еще за две недели говорил:

– Надо больше войска для порядка.

А он такая гордыня был: чтобы он кого-нибудь послушался? Никогда такого дела не было. Умней себя никого не признавал.

– У меня, говорит, и без войска порядок будет.

Ну, «будет» – пусть будет. С царским дядей не поспоришь! А «порядок» этот – на Ваганьково кладбище три дня возили с Ходынки тела, фур по ста за раз... Вот какой его «порядок». А во всем виноватым поставил Власовского. И дал царь увольнение Власовскому – вон со службы... Ну, и Сергею Александровичу не прошла даром Ходынка: в японскую войну припомнили.

Тут – одеяльное дело, с него и почин пошел. Тоша Савва Морозов три тысячи одеял пожертвовал раненым солдатам, а Сергей Александрович эти одеяла на Сухаревке продал. Понятно, не сам продал, а были у него такие сударики.

Вот Морозов слышит: толкуют, будто его одеяла на Сухаревке продаются, а ему не верится. Вот он взял и пошел посмотреть: правда ли это? Вот приходит, смотрит – и верно: которые он одеяла пожертвовал – идут в продажу.

И тогда эта самая история не только по Москве – по всей России известна стала. Ну вот и припомнили тогда ему и Ходынку. Тут одеяла, а тут еще Ходынка на прибавку пошла – одно к одному.

– Ему, говорят, нейдет. Опять за старое взялся!

И бросили в него бомбу. И разорвало его, всего разнесло: где рука, где нога... Голову два дня искали, насилу нашли – на крышу забросило...

Вот какое убожество ему сделали! Он думал: «Я – царский дядя!..» А тут нашлись такие – не посмотрели на это.

Ну, и Николаю тоже с Ходынки пошло... То все ничего, все благополучно, а то, как кончилась коронация, стало все хуже и хуже – нескладница такая пошла. Ну, хоть и не настоящая революция, а все же было кроволитие большое... И после этой первой революции все стали говорить:

– Добром не кончится.

А как стали мы воевать с немцами, народ прямо говорил:

– Не одолеть нам Германию ни за что. Ежели, говорит, Японию не одолели, где уж с Германией справиться?

Ну, так и было. Какая война, ежели измена на измене? В японскую войну русскую кровь за золото продавали, а тут еще больше продавали. Солдаты и отказались воевать.

– Мы, говорят, бьемся, кровь проливаем, а нас продают. Какая же это война?

И верно, что продавали... Все в один голос говорили: «измена». Измена, и никакого порядка не было. Николай какой стал? Не он царь, а Распутин да царица. Вдвоем они всем распоряжались и на сторону Германии играли. А Николай совсем пропавший стал, и ни к чему у него охоты не было, только пил и пил... Вот говорят, будто ему было сделано, что он пил. А какое «сделано»? По отцу пошел: отец пил, а он еще больше. Он пьет и пьет, а этот бродяга Распутин да царица мухлюют вдвоем. И все знали про это... И не стало терпения, убили Распутина.

Его убили – взялись за царя, и было ему свержение с престола. И как он остался без престола, без царства, тут и говорит генералам, которые при нем были:

– Как бы, говорит, дело по-матрешкиному не вышло. А эта Матрешка была баба-карлик,

и звать ее было по-настоящему не Матрешка, а иначе, а Матрешкой прозвали вроде как бы в насмешку... Это вот есть куклы такие деревянные, маленькие, красками разрисованы, расписаны. И как этакую куколку не повали, она все встанет как следует... И дали ей прозвище «Матрешка».

Вот и эту бабу... да и не баба она была, а девка старая... И была она юродивка – будто дурочка, а знала такое, что иному и во веки вечные не знать. Ну вот, и ее тоже прозвали Матрешкой, а как ее заправдошнее имя было – никто не знал.

И от этой самой Матрешки был Николаю подарок, такой подарок, что и на всем белом свете никому такого подарка еще не было. Это когда Николай с царицей приезжал на открытие мощей Серафима Саровского. И вот тут Матрешка поднесла ему платок весь в крови, а царице – холстину длинную и узкую, вроде такой, на которой гроб с покойником несут хоронить. И тут все смотрят: что же это такое? К чему это такое? А Николай и не знает, что ему делать с платком. Держит его в руке и на Матрешку смотрит. А Матрешка говорит:

– Принимайте и разумейте.

Вот Николай видит – платок весь в крови, взял, да и бросил его, и царица тоже бросила холстину. А Матрешка засмеялась и говорит:

– Бросайте, не бросайте, а оба изойдете кровью.

Ну, ее сейчас сцапали, заарестовали. И что ей сделали, какое наказание было – неизвестно. Одни говорили, будто в Сибирь ее сослали, другие – будто повесили. Ну, может, и не повесили, а только сгнула она, запропастилась куда-то...

И вот про эту Матрешку тогда и говорил Николай.

Вот когда она ему припомнилась: когда без престола остался, тогда и на ум пришла Матрешка и ее слова припомнились! И не зря припомнились: как она говорила, так и исполнилось, был и Николаю, и царице смертный конец от пули, оба изошли кровью. И дети, вся семья попала под расстрел, облились кровью все.

Легенд, рассказывающих о предсказаниях Николаю Второму и его матери несчастливого царствования, падения дома Романовых и его трагической смерти, довольно много. Исходят эти предсказания от видных духовных лиц, священников, вроде Ивана Кронштадтского, монахов-отшельников, известных своей строгою жизнью, юродивых, цыганок-гадалок. В одной легенде предсказателем является даже «немец-философ», «вроде нашего Льва Толстого». Этого предсказателя к Николаю приводит бывший германский император Вильгельм в то время, когда тот, будучи наследником, посещает Германию. Предсказывает Николаю войны и революции и сам Л. Н. Толстой; предсказывает и родная мать не только на основании предсказаний, сделанных ей отшельниками и другими лицами, но на основании и личных наблюдений над жизнью Николая в первые годы его царствования. Так, например, во время Ходынской катастрофы она говорит ему: «Кровью началось, кровью и кончится». Это предсказание служит причиной разлада между Николаем и матерью: после коронации она нарочно редко встречается с ним и потом навсегда уезжает за границу.

Предсказания в одних легендах излагаются аллегорически, в других – вещи называются их собственными именами.

Не всегда проходят безнаказно предсказателям их предсказания: их или схватывают, вешают, или же убивают на месте, и всегда орудием убийства является револьвер.

Легенда о продаже великим князем Сергеем Александровичем одеял, пожертвованных

фабрикантом Саввой Морозовым в японскую войну в пользу раненых солдат, весьма распространена: мне приходилось слышать ее во Владикавказе, Пятигорске, Кисловодске, Нальчике, на Дону, не говоря уже о Москве, где она известна в нескольких вариантах, распространена она и в Иркутской губернии, где записал ее профессор-этнограф Азадовский.

Убийство Сергея Александровича не всегда является актом наказания его революционерами за Ходынку и продажу «морозовских одеял», иногда, хотя и очень редко, оно объясняется политическими причинами.

Каляев, от руки которого пал Сергей Александрович, ни в одной из известных мне легенд не упоминается.

Граф Шереметьев и Гришка Распутин

Этот человек – стекольщик по профессии (Андрей Иванович Куликов), родом из Твери, называл себя «стариком 68 лет», тогда как на самом деле ему едва ли было 50. В его русой козлиной бороде, в таких же подстриженных в скобку волосах на голове не виднелось ни одной седины, лоб был чистый, без морщин, и вообще все лицо очень молодое, да и слишком бодр и подвижен он был для шестидесяти восьми лет.

Всех своих знакомых, которым перевалило далеко за 50 и которые при случае жаловались, что их «лета уже ушли», он называл «молодыми старичками» и ставил себя им в пример.

– Мне, говорил он, 68 бацнуло, а я еще не согнулся и ни одного гнилого зуба нет у меня. Половинку стукну и ни в одном глазе, только и всего, что на еду погонит.

«Шестидесяти восьми годам» я не верил, остальное все правда. Я видел, как он «стукал» «половинку»: ударом доньшка посудинки о ладонь выбивал пробку, запрокидывал голову, брал горлышко в рот... буль-буль-буль... маленькая передышка, потом опять – буль-буль-буль... и посудинка пуста.

Видел и то, как его «гнало на еду»: быстро работая действительно белыми крепкими зубами, он убирал фунта полтора говяжьего студню и столько же ржаного хлеба. «Половинка» шла ему, как он говорил, на пользу: от нее он не раскисал, как плохие питухи, только глаза у него поблескивали да щеки разрумьянивались.

Однако позволял он ее себе только раз в неделю, по субботам, пошабашив с делами. Похмелья он не знал, значит и пьяницей не был.

Покончив с едой, он принимался за чай, пил «с прохвала», потихоньку-полегоньку, и тут уж давал волю языку: говорил много, только слушай, а главное – не перебивай, чего он терпеть не мог. Говорил он не попусту, а всегда что-нибудь занимательное и нередко ссылаясь на «верного человека», от которого слышал рассказываемое, а тот, в свою очередь, все это видел «собственными глазами», следовательно, «врать ему не из чего было».

Зря он не сквернословил, но иногда в рассказе, вероятно, для усиления впечатления, пользовался очень нескромными поговорками, пословицами, сравнениями и произносил их с экспрессией, отчего они выходили особо сочными.

Многие из трактирной публики употребляют в разговора разные иностранные словечки и почти всегда в исковерканном, изуродованном виде и в особом, своем собственном, толковании их. Например, вместо «юриспруденция» говорят «уруспруденция» и понимают это слово в смысле грязного, скандального дела, или вместо «комбинации» – «канбиция», в смысле обоюдной потасовки....

Андрей Иванович тоже не был застрахован от употребления в разговоре словечек, вроде приведенных, но он пользовался ими с оглядкой: если знал, что его собеседник понимает в них толк, то скажет и посмотрит на него: не бороздит ли от смешка у того губы? Если бороздит, он и глазом не моргнет, а дня через два спросит с невинным видом у того же собеседника:

– Что это за чертовинка такая: надясь прочитал в газете, а что такое, к чему ее приспособить – не знаю. – И скажет позавчерашнее словечко.

От него я записал легенду о том, как бывший царь Николай II-й «компанействовал» с

Распутиным и как «заслуженный генерал» граф Шереметьев сказал ему правду в глаза.

Про этого Гришку Распутина я от верного человека слышал – от матроса знакомого. Раньше он во флоте служил, потом перевели его во дворец, в царскую охрану. И вот тут-то он увидел, какое это царское житье бывает.

– Это, говорит, как ваш брат, ничего не выдавши, думает: тут особенное что-то!

А вещь, говорит, простая: у нас грязь, а там еще пуще. Только, говорит, у нас открыто, а там под прикрытием, вот в чем суть!

Я, говорит, на часах супротив самого царского кабинета стоял и насмотрелся всего вдоволь. И этого, говорит, чертяку лохматого, Гришку Распутина, там видел: я еще, говорит, ему, подлецу, царскую честь отдавал: «на краул» винтовку брал. А что, говорит, поделаешь? Приказано было отдавать и отдавал, ничего, говорит, не попишешь – дисциплина!

А из себя, говорит, Гришка простой мужик был, настоящий мужлан, и уж старый, седой. Ну, какой, говорит, ни старый, а здоровило порядочный был. А физиономия его, говорит, доказывает, что был он из подлецов...

А это, говорит, каким манером он во дворец попал – дело темное. Тут и так, и этак объясняют: будто наследника лечил, будто еще что-то... Не знаю, говорит, этого дела, а зря говорить не буду, не люблю.

Одно, говорит, могу сказать, насчет жалованья: положено ему было тыщу пятьсот в год на всем готовом. А с царем, говорит, он был запанибрата: вместе с ним ел, вместе пил.

Я, говорит, на часах стою, а ихнее компанейство хорошо вижу: сидят рядком и пьют. Не нашу, говорит, водку пьют, а хорошее винцо попивают. А Николай в то время в большой слабости находился, короче сказать, очень пил. А Распутина, говорит, это на руку, это ему – подай Господи, потому что сам из пьяниц пьяница был. И доходил он, говорит, до полной бессовестности: нажрется, бывало, и прямо в сапогах лезет на царскую постель. Завалится и дрыхнет, храп на весь кабинет подымет... А Николай ничего, хоть бы слово ему сказал.

А раз, говорит, такая вещь: стою формально на часах, а эти друзья-компаньоны спят. Напились и спят – Николай, говорит, на постели спит, под прикрытием одеяла, а Гришка – на акушетке: как был в сапогах, так и бухнулся. И расхрапелся, говорит, он, как какой-нибудь шарлатан; не только что в кабинете, а и по коридору всему слышно.

Вот, говорит, храпел-храпел, продрал глаза, поднялся и сел на эту же самую аку-шетку... Вот, говорит, посидел-посидел, позевал и после того облапил бутылку и давай тянуть прямо из горлышка... Тянул, говорит, тянул, всю высосал! Ухватил кусок курятины и давай жрать, да, видно, говорит, невкусна показалась ему курятина на акушетке: пошел и сел к Николаю на постель.

Сидит, говорит, жрет, чавкает, как свинья. А башка, говорит, вся всклокочена, волосища дыбом поднялись – ни дать, ни взять, говорит, Июда-хриstopродавец! Ему бы, говорит, еще кошелек с деньгами в левую руку и хоть потрет снимай: точь-точь Июда в аду!..

Дело, говорит, прошлое: мне и Николай, и весь царский дом был так же нужен, как свинье бинокль или, скажем, подзорная труба, а только, говорит, взяла меня досада: до какой низкой степени опустился Николай! Главное, говорит, дело: тут война идет, наших бьют, а ему, говорит, хоть бы что! На фронте, говорит, русскую кровь проливают, а он с Распутиным дорогое винцо попивает! И смотрю, говорит, я на Распутина и думаю себе: «Эх, плачет по тебе, жулику, пуля из казенной винтовки».

В большом, говорит, я тогда раздражении находился. Да нетто, говорит, я один

досадовал? И генералы, и князья... да мало ли еще кто? Только, говорит, какая же ихняя досада? Шушукуются, говорит, по темным уголкам да шиш в кармане показывают, а перед Гришкой, говорит, юлят, лебезят:

– Он, говорят, умный, даром что из мужиков.

Нет, говорит, видно Россия-то Россией, а своя рубашка ближе к телу. Досада-то ихняя, говорит, – пар один.

Ну, однако ж, нашелся человек, не побоялся сказать правду царю в глаза. А этот человек был граф Шереметьев, генерал. Он-то, говорит, не стал называть Гришку «умным»... Тут, говорит, такое произошло, что только ахнешь... Да при мне, говорит, и дело-то все разыгралось.

Я, говорит, тогда как раз на часах стоял и все отлично знаю, с чего началось и чем кончилось. Дверь, говорит, стеклянная, мне все и видно, и слышно. И этого, говорит, Шереметьева хорошо рассмотрел: старый, борода большая, седая, орденами вся грудь увешана. И видел, говорит, я, как он в царский кабинет вошел, как с царем поздоровался.

А Распутин, говорит, тут же в кабинете находился. И не так чтобы очень пьян, а все же долбанувши был. И развалился он на акушетке, и лежит, как боров. Не без того, что нарочито он это сделал, чтобы Шереметьева уколоть: дескать, хоть ты и генерал в орденах, а я мужик, и при всем том нет тебе от меня почета, и ничего ты мне сделать за то не можешь. Ну, конечно, знал свою силу: царя не боялся, станет ли Шереметьева бояться? Только налетела коса на камень.

Вот, говорит, как дело было: как Шереметьев вошел в кабинет, сейчас с царем поздоровался. А Гришка как лежал, так и лежит. Вот Шереметьев раз посмотрел на него, а Гришка лежит-полеживает. Вот Шереметьев и во второй раз посмотрел, а тот, говорит, на прежнем положении: свинья свиньей лежит... Вот и в третий раз посмотрел Шереметьев. А Гришке это без всякого внимания, хоть двадцать раз смотри: вот, мол, лежал и буду лежать, и дела тебе до этого нет. Тут Шереметьев ка-ак крикнет:

– Встать! Руки по швам! Ах ты, говорит, скотина! Царь, говорит, стоит, я стою, а ты развалился и лежишь?!.. Встать!

Тут Гришка как вскочит, вытянулся, дрожит, и руки по швам. А я, говорит матрос, смотрю на него и такой-то смех меня разбирает: вот-вот, говорит, засмеюсь! Да уж насилу-то, насилу удержался. Сам, говорит, понимаю: засмеялся, ну и провал. С нас, говорит, строго взыскивалось.

Ну, говорит, стоит этот Гришка, и такой-то дрожемент его прохватывает, будто лихорадка его захватила. Только, Говорит, вижу – нахмурился Николай и как напустится на Шереметьева:

– Какое, говорит, имеешь ты полное право распоряжаться в моем дворце?! Вас, говорит, человек не трогал, а вы его ругаете-порочите... А потому, говорит, забудьте дорогу в мой дворец! – И аж весь потемнел от злости...

Вот как, говорит, он дорожил Распутиным. А я, говорит, стою себе, настаиваю, будто и не слышу ничего, а сам, говорит, слушаю и на ус наматываю. И думаю себе: беспрерменно после этих царских слов Шереметьев уйдет. А только, говорит, он не ушел.

Вижу, говорит, возгорается дельце немаловажное. Царь, говорит, нахмурился, а Шереметьев того больше.

– А, говорит, вы заслуженного человека на пьяного подлеца меняете?! Ну так, говорит, и оставайтесь с пьяным подлецом, а мне здесь делать нечего. Я, говорит, забуду дорогу в

дворец, и другие тоже забудут.

Слушаю, говорит, я и ушам своим не верю. И думаю, говорит, себе: сейчас Николай взбеленится и прикажет взять Шереметьева под арест. Только, говорит, нет: ни слова, ни полслова не сказал он ему. Стоит, говорит, молчит, голову повесил. И Распутин, говорит, стоит, дрожит. Как оплеванные, говорит, оба стоят... А Шереметьев, говорит, повернулся и пошел. А тут, говорит, и смена моя пришла...

А только, говорит, я после-то молчал, потому что с какой стати стал бы накликать на себя беду? У нас, говорит, было очень строго, не позволялось зря рта разевать, а что знаешь, знай про себя. А тут вскорости меня, говорит, опять потребовали во флот. И без меня, говорит, Распутина ухлопали, и без меня революция пошла, и Николай с престола слетел. А как, говорит, было дело, не знаю. Слышать, говорит, слышал от людей, да только, говорит, у меня такая нация: что собственными глазами видел, про то и говорю, а чего не видел врать не стану. И про то, говорит, ничего не знаю, рассказал ли Шереметьев, как с царем он порезонился, или же смолчал. Да только вряд ли смолчал: такое важное дело, и будет молчать?.. А там – не знаю. Чего, говорит, о не знаю, про то и говорить не стану.

Да и верно, к чему врать? А то ведь мало ли ветрогонов? Иной-то путем не слышал настоящего, а не то чтобы самому видеть, а как примется... уж он тарахтит-тарахтит... такую-то аримурию заведет – не слушал бы... А скажи – не хорош станешь. Сейчас на дыбы и давай тебя ругать... Мало ли таких? Шатаются, только тень наводят. А матрос – человек правильный: что знал, про то и рассказал.

Относительно упомянутого в легенде слова «аримурия» могу сказать следующее: впервые я услышал это слово в конце 90-х годов во Владикавказе, где оно было весьма распространено среди низов населения и означало хитро сплетенную, в форме рассказа, выдумку, цель которой – обман, одурачение того, кому она рассказывается.

От низов аримурия перешла к туземцам окрестных аулов, к осетинам, ингушам, а также к казакам и немцам ближайшей к городу колонии и нередко было слышать на базаре, как, например, ингуш, продавец домашней птицы, говорил на ломаном русском языке покупательнице-барыне:

– Зачем твоя много гыр-гыр? Ей-бох-один-бох, ундушка хороший. Моя правда скажит, моя аримур нет (т. е. «зачем ты много попусту говоришь? Ей-Богу, индюшка хороша, я говорю правду, обмана у меня нет»).

Привожу другой, не менее, если не более характерный пример, иллюстрирующий отношение обывателя к этому слову.

В том же Владикавказе, в мировом суде, разбиралось дело по обвинению отставного бомбардира Обросимова в публичном оскорблении словами колониста Крафта.

Оскорбление это, согласно жалобе, заключалось в следующих словах, сказанных Обросимовым Крафту при встрече на улице:

– Эй ты, забулдыга, тундер ветер (т. е. доннер ветер), [*Т. е. привычка*] расподлая твоя душа, анчихрист и аримурщик поганый!..

Вся тяжесть оскорбления была в двух последних словах, которые, по объяснению жалобщика и вызванным им на суд свидетелей, означали «мошенник», «плут».

Да и сам ответчик, кстати сказать, благообразный, убеленный сединами старец в суконной поддевке синего сукна, с двумя бронзовыми медалями на груди, не отрицал того, что под словами «аримурщик поганый» он подразумевал именно мошенника, каким и на самом деле считает Крафта, так как тот «взял у него в починку бочонок для солки огурцов, чинит его вот уже два года и 8 месяцев и никак починить не может: так поступают только мошенники».

Судья признал обвинение доказанным и приговорил Обросимова к штрафу в три рубля.

Вначале я был склонен думать, что аримурия – слово чисто местное, владикавказского происхождения, но потом, позже, встречал его и в других местах, но уже в ином произношении и ином значении.

Так, в Ростове-на-Дону, на хлебной пристани, среди грузчиков-крючников, оно выговаривалось (1900 г.) «армурия», и значило очень нескладный и долгий рассказ, безразлично – чего бы он ни касался. («Завел ты свою дурацкую армурию, и конца не видать») В Ставрополе-Кавказском, среди обитателей Ташлы, Воробьевки и других городских окраин, «аримурия» превратилась (1901 г.) в «агримурию» – в гнусную ядовитую сплетню («Мало ли ходит по городу агримурий? Все не переслушаешь»). В Сочи она становится (1901 г.) «каримури-ей» – порнографическим рассказом («Такую-то каримурию понес, что аж уши вянут»). А в Кисловодске (1906–1907 гг.) среди бывших слобожан – «кадримурией», судебной волокитой («Эх, затеял эту кадримурию на свою голову!»).

В Москве аримурия стала известна сравнительно недавно – года четыре тому назад, по крайней мере, в течение этого времени я стал встречать ее в разговорах низов, но не скажу – часто. По-видимому, она еще не успела вполне привиться к ним. Выговаривается она по-

владикавказски, а значение ее то же, что в Ростове-на-Дону: нескладный пустой рассказ.

Но аримурию не надо смешивать с другим московским, похожим на нее, словом – «охмурией», означающим целый ряд преступных деяний, под рубрику которых подходят: мошенничество, шулерничество, сводничество, жульничество, взяточничество, вымогательство. Происходящее от охмурии, очень популярное в московских низах слово «охмуряло» означает человека без совести и чести, способного на любое из перечисленных деяний и вообще на всякую гнусность...

Как Распутина убили

В 1923–1924 гг. мне пришлось встречаться в харчевне «Низок» с одним из ее завсегдатаев, носившим довольно странную кличку «Чертопхая». Этот человек, лет сорока пяти, белокурый, одетый оборванцем, можно сказать, ничем особенным не выделялся из общей массы посетителей харчевни, и я, быть может, так бы и не обратил на него внимания, если бы не одно обстоятельство. А обстоятельство было вот какое.

Как-то в один из зимних вечеров во второй комнате харчевни, куда обыкновенно собирались все те, кому было очень холодно и голодно и которые просиживали за чаем часа по три, стекольщик Семен Андреич рассказывал о том, как его замужнюю сестру-кликушу вылечил старик-знахарь: не давал ей пить ни отвара из трав, ни нашептанной воды, положил ей руку на голову да посмотрел в глаза, и болезни как не бывало.

Рассказ произвел впечатление: заговорили о кликушах, о колдунах, колдуньях, которые «напускают порчу» на женщин. Но нашелся один скептик, Пашка-маляр, еще довольно молодой человек, который заметил, хотя и не совсем уверенно, что «колдунов, гляди, никогда на свете не бывало, все это выдумки».

Чертопхай, дымивший в уголке цыгаркой, горячо заступился за колдунов и рассказал интересный в бытовом отношении случай, как один колдун испортил молодую, только что вышедшую замуж женщину, и как ему за это мужики всем миром «отмяли» бока кулаками.

В тот же вечер я познакомился с Чертопхаем. Потом мы с ним нередко пили чай вместе, и тогда я узнал, что он вовсе не Чертопхай, а Гаврила Семеныч Охотнов, родом из Костромской губернии, Чертопхаем же его прозвал один торговец на Сухаревке. У Гаврилы Семеныча тогда была ручная тележка, на которой он перевозил небольшие тяжести, чем и кормился. Чтобы привести тележку в движение, надо было пхать ее вперед, и это обстоятельство, по объяснению Гаврилы Семеныча, дало повод торговцу прозвать его Чертопхаем. Теперь тележки у Гаврилы Семеныча давно уже не было и он перебивался кое-чем: поденной работой, продажей на улице цветов и в общем жил голодно и холодно.

Потом, когда «Низок» закрылся, я потерял из виду многих из своих знакомых по харчевне, потерял и Гаврилу Семеныча, и только прошлым летом (1927 г.) случайно встретился с ним на Смоленском рынке. Мы пошли в трактир и сели за чай.

Жизнь Гаврилы Семеныча не изменилась к лучшему: по-прежнему приходится ему перебиваться случайной работенкой и по-прежнему не всегда приходится быть сытым.

Во время нашего чаепития к нам подсел знакомый Гаврилы Семеныча, человек одного с ним типа, находившийся «в подвыпитии» и искавший желающего добавить полтинник к имевшейся у него сумме, чтобы вместе «раздавить половинку». Мы с Гаврилой Семенычем добавили. После того, как половинка была раздавлена, разговор пошел веселее и интереснее. И тут снова я услышал от Гаврилы Семеныча о колдунах, ведьмах; впрочем, речь о них завел я. Потом, продолжая беседовать, дошли мы до Распутина и Николая Романова.

К сожалению, нашей беседе мешал знакомый Гаврилы Семеныча: у него явился позыв «дерябнуть» еще, а денег не было «ни копыя», и он принялся приставать к нам, чтобы мы «сообразили» еще «половинку». «Сообразить» ее мы не могли, и он стал обходить трактирных посетителей, выпрашивая «на хлеб». Но и тут постигла его неудача: его отовсюду гнали. Он с досады пошел «крыть матом» направо-налево и кончилось это тем,

что его выпроводили из трактира «с зашейным маршем», т. е. вытолкнули взащей. И нас попросили оставить заведение, потому что мы, по объяснению полового, «компаньены этого холюга-на». Чтобы избежать скандала, нам пришлось оставить трактир.

Я записал рассказ о колдунах и ведьмах и легенду о Распутине, царице и Николае Романове. Рассказ оставляю себе, а легенду сообщаю вам.

Как залез Распутин в дворец, каким средством нашел он туда дорогу, в точности не знаю. Слышал, будто одни генерал обнаружили его и привез у наследника кровь унимать. А наследник совсем хилый был – носом кровь шла. И какие только доктора не лечили, и чего-чего только не делали! По заграницам возили и профессорам показывали, а все никакой помощи, никакого облегчения! И совсем пропадает царенок. Тут генерал и привез Распутина.

– Вот, говорит, кто мастер лечить.

Видно, знал его раньше, а иначе как же? Не стал бы перед царем так говорить.

И вот будто с той поры Распутин и засел во дворце. А сам из мужиков был, да и мужик неважный: пьяница и в остроге сидел – корову попер, ему и дали за это восемь месяцев тюремного заключения. И уже старый был. Только все же какой он ни был пьяница и вор, а не простой человек был: знал разные штуки, умел составы делать – будто травы варил, корешки в ступе толоч, вроде как аптекарь. И приготовил такое лекарство. Дал наследнику – у того кровь и унялась. А другие говорят, будто он знал слово кровь заговаривать... Уж не знаю, как это происходило, а только прижился он во дворце и как принялся оказывать свою премудрость, то и пошло по всему дворцу пьянство, потом и разврат пошел... Надымил этими составами, туману напустил, и стали все равно бы сумасшедшие.

Старый, а уж такой бабник, такой ходок – где уже там молодому угнаться за ним! Молодому-то и во сне того не приснится, что он разделявал! И опять-таки тут корешки эти его, травы разные: пастилу из них такую изготовил, лепешечки такие – даст какой даме кусочек, она съест и сделается сама не своя, так и льнет к нему, так и льнет... Ведь вот какую антимионию придумал!

Ну, да ведь он придумает! Кому другому и в ум не придет, а он умел. С головой парень был, не мешком из-за угла прибитый!..

И будто дал он этой пастилы царице... Сумел дать. Ему ли не суметь? Вот и дал. И как она покушала, то и взыграла. И такое началось во дворце, такой пошел садом-гамора, что и не скажешь. Которые тогда бывали во дворце, так прямо говорят: «Это не дворец, а кабак и развратный дом!» Вот до чего дошло!

Пьянствовали все напропалую, а про Николая и говорить нечего: он и раньше тверезый почти дня не бывал, а как пришел Распутин, так в дворце ничем и не пахло, окромя водки. Кабак, да и только!

Собрались мастера выпить: Николай не пролей капли был, а Распутин – так уж прямо луженая глотка. Прорва настоящая: сколько ни пьет – не скажет «довольно».

И до того он распьянствовался, расхамничался, что удержу нет. Нажрется и давай кого ни попадя матерью ругать, а не то – песни похабные примется орать. А Николай только посмеивается, будто так и полагается. Вот до какой линии дошли тогда в царском дворце. Такое позорище на всю Расею пустили... И никакой совести нет. Война идет, Расею продают, грабят, разоряют, а Николаю это ничего, ровно бы так и надо. Ему все нипочем, лишь бы водка была да Распутин при нем – вот как опутал его Распутин!

Ну, да эти шнурочки, веревочки эти от царицы шли: она уже давно Расею продавала Вильгельму. И такой уговор был у нее с ним: Николая с престола скovyрнуть, а ей бы самой царствовать. Дескать, наследник малолеток, к тому же больной, вот ей полная воля распоряжаться, командовать всем.

Ну, Вильгельм, разумеется, не даром старался, хотел половину Расеи себе оттяпать, какая получше, а похуже – царице оставить, а Николая по шапке, в отставку, пусть пьет с Распутиным своим, водки хватит... Может, и Распутина Вильгельм подсунул, чтобы Николаю веселее было пить. Конечно, не сам подсунул, а его денежки – они тут работали.

Заранее сделали распределение Вильгельм и царица, да расчет ихний не вышел: как убили Распутина, так и самую царицу с Николаем сковырнули.

И будто за княгиню убили Распутина: будто и ей он дал порошков – не порошков, а этой пастилы. А князя озлились.

– Царица, говорят, как хочет, это ее дело, но только чтобы наших жен не трогал.

Только, думается, не через княгиню, а просто насточертел он всем. Ну, и взяли его в разделку.

И он учуял, что гроза над ним собралась, из дворца – ни ногой. Зовут его князя обедать, а он нейдет:

– Я, говорит, нездоров.

Ну, они другое придумали.

– Приехала, говорят, из Москвы красотка, хочет в отношении знакомства...

А ему эти красотки слаще всего, старый-старый, а ядовитый был. И не стерпел, приехал, а его пристрелили – «угостили красоткой» – и бросили под мост. А Николай не верит, что его убили:

– Это, говорит, невозможно!

И царица не хочет верить:

– Как это, говорит, можно, чтобы на такого человека руку поднять?!

Ну, можно-не можно, а Распутина привезли во дворец мертвым. И плачу же здесь было тогда! Такое, подумаешь, царское горе! Ну, им, действительно, горе... Им горе, а кому и радость – весь народ, сколько его ни на есть, ничуть не пожалел:

– Собаке, говорит, собачья смерть!

А во дворце рыдание большое было. И три дня его тело держали – расстаться жаль было. От него уж дурной запах пошел, а они духами его поливали...

Ну, наконец-то похоронили. Особое такое место выбрали, только не на кладбище, и разукрасили могилку: песочком посыпали, убрали цветами... Сколько цветов в магазинах было – все закупили.

Ну, они так разукрасили, а народ по-иному... Утром царица едет проведать могилку, а там народу с тысячу собралось. Могила разрыта, и тут костер горит, а на костре Распутин лежит... А это народ жег его, чтобы от него и звания не осталось.

И как она увидела это сожигание, поскорее обратно во дворец: поняла, какое дело началось. Тут не до Распутина, самой бы убраться впору...

Вот едет, а кругом народу тысячи, и шумят, кричат, а тут красные флаги, стрельба... Ну, революция!

И тут налетели на нее, взяли под арест. Она спрашивает:

– Где царь?

А ей говорят:

– Теперь больше нет царя – есть Николай Романов. Под замком, говорят, сидит, и тебя туда сведем. А ваш, говорят, престол разломали и будем жечь на площади.

Вот приводят, смотрят – Николай без аполетов, сняли с него... Раз не царь – зачем ему аполеты? Вот и сняли. Тут она заплакала.

– Конец, говорит, нашей жизни пришел...

Ну, маленько ошиблась: конец этот не тогда пришел, а после.